

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

© 2010 г. А.А. Козявин¹

Познание истины в уголовно-процессуальной деятельности – ключевой вопрос теории уголовного процесса. Не случайно его исследованию посвящены фундаментальные работы как юристов, так и философов, социологов и психологов. Интерес к этой проблематике в первую очередь обуславливается тем, что активная демократизация уголовного судопроизводства России и внедрение в него состязательных начал спровоцировали в науке ожесточенную дискуссию. Процессуалисты высказываются как в защиту, так и против концепции об истине как цели уголовного процесса, некогда прочно утвержденной М.С. Строговичем в процессуальном мировоззрении теоретиков и практиков. Все это оказывает существенное влияние на процессуальное познание, его цели, задачи, пределы и результат в правоприменительной практике.

С точки зрения философии **познание** – это процесс отражения и воспроизведения действительности в мышлении субъекта, результатом которого является новое знание о мире², либо сам результат этого процесса, т.е. знание³. В любом случае, как видно из определения, основой данного явления так или иначе выступает когнитивная цель – получение знания. Посему уголовный процесс, в котором независимо от теоретического подхода к его концептуальной конструкции подлежат установлению именно обстоятельства совершенного преступления. В своей основе он имеет не что иное, как познание, изучаемое разделом философии – **гносеологией**. Данное положение всецело разделяется в отечественной процессуальной науке: и дореволюционной, и советской, и современной. Так, И.Я. Фойницкий писал: “Как уголовное, так и гражданское производство стремится к достижению правильного разрешения дела... причем в основание кладутся общие логические приемы раскрытия истины”⁴.

Классик советской доктрины М.С. Строгович подчеркивал, что процесс доказывания есть процесс познания фактов, обстоятельств уголовного дела, т.е. их исследование, которое происходит при помощи доказательств⁵.

Однако отметим, что в рамках данного исследования нас интересуют не столько философское учение о познании и его применимость к уголовно-процессуальной деятельности, сколько вопрос: какую именно роль играет познание в деятельности человека, который призван все-таки решать задачи, стоящие перед обществом, учитывая, что уголовное судопроизводство является изначально социально обусловленным институтом. Этому институту, наконец, присущи социальные ожидания, основанные на нравственно-идеологической надстройке исторической формации. В этом, на наш взгляд, и состоит фундаментальная проблема – **соотношение познания**, его философски определенных целей, пределов и результатов, **с социально-юридическим назначением уголовного судопроизводства как инструмента социальной политики и конкретно-личностной деятельности**.

Как уже указывалось, гносеологическая природа уголовного процесса весьма интересна современной науке, и ежегодно появляются работы, посвященные проблемам истины и гарантиям ее установления в ходе процессуальной деятельности. Много внимания уделено собственно анализу основ процесса доказывания, определению существа работы различных субъектов по установлению истины⁶. Интерес этот еще более обострился после принятия в 2001 г. нового УПК РФ, заставляющего сомневаться относительно применимости категории “истина” к системе целей отправления правосудия по уголовным делам в

¹ Доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Курского государственного технического университета, кандидат юридических наук.

² См.: Большой энциклопедический словарь. М., 1998.

³ См.: Спиркин А.Г. Философия. М., 2000. С. 416.

⁴ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2-х т. Т. I. СПб., 1996. С. 6.

⁵ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2-х т. Т. I. М., 1968. С. 295–296.

⁶ См., например: Петрова О.В. Объективная истина и гарантии ее установления в уголовном процессе. Дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2000; Снегирев Е.А. Оценка доказательств по внутреннему убеждению. Дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002; Бурданова В.С. Поиски истины в уголовном процессе. СПб., 2003; Мурадян Э.М. Истина как проблема судебного права. М., 2004.

целом и уголовно-процессуального доказывания в частности. Однако мало кто из авторов обращает внимание на то, что на самом деле познание истины в современном уголовном судопроизводстве строго “дозировано” путем ограничения его средств и наличием особенной схемы когнитивной деятельности, неизвестной ни научному, ни обыденному познанию. Причины же данного явления названными диссертационными исследованиями до сих пор не раскрыты.

Поэтому, на наш взгляд, для определения фундаментальных черт уголовно-процессуальной деятельности с позиции ее социальных функций необходимо принципиально исследовать ряд вопросов, касающихся особенностей познания истины в современном судопроизводстве. Во-первых, как соотносятся познание и доказывание? Во-вторых, применима ли философско-психологическая теория познания к описанию когнитивной деятельности участников уголовного процесса? Наконец, что есть истина в уголовном судопроизводстве, каков ее характер, необходимо ли ее достижение, каково ее место среди целей системы отправления правосудия по уголовным делам?

Как уже отмечалось, уголовный процесс представляет собой сложную систему, в которую органически вплетено как познание, так и мыслительная работа с уже готовым и законченным знанием. В последнем случае, это, например, назначение наказания и разрешение иных процессуальных вопросов: устранение причин, способствовавших совершению преступления, принятие мер к охране потерпевших и свидетелей, к попечению семьи и имущества лица, в отношении которого избрано в качестве меры пресечения заключение под стражу и т.д.

Таким образом, **познание**, на наш взгляд, в первую очередь, **выступает основой уголовно-процессуального доказывания** как стержня уголовного судопроизводства, посредством которого следователем, прокурором и судом выясняются юридически значимые обстоятельства происшествия. Кроме этого, нельзя отрицать, что познание также присутствует в качестве фундамента и в оперативно-розыскной деятельности, и в квалификации преступления (посредством практического мышления), и в непроцессуальной деятельности иных участников. Так, в соответствии с законом обвиняемый, подозреваемый, потерпевший, гражданский истец, ответчик и их представители обладают правом собирать и представлять следователю и в суд информацию, имеющую значение для правильного разрешения уголовного дела. Закон, правда, некорректно име-

рует эту информацию “доказательствами”, хотя таковой она становится лишь после приобщения ее к материалам уголовного дела следователем, дознавателем и судом. С введением в действие нового УПК РФ процессуальная деятельность защитника по получению имеющих для правильного разрешения уголовного дела сведений даже называется ч. 3 ст. 86 УПК “сбором доказательств”, хотя законом не предусматривается для этого самостоятельной процессуальной формы.

В течение последних 30-40 лет в отечественной юридической литературе ведется острая дискуссия по поводу соотношений познания истины с доказыванием по уголовным делам. Противоборство имеет место между точками зрения, согласно которым **познание истины доказыванию** либо **тождественно**⁷, либо **противопоставлено**⁸, либо **включено** в него как часть наряду с **удостоверительным моментом**⁹. Представляется, что все указанные суждения не до конца последовательны с точки зрения логики.

На наш взгляд, уголовно-процессуальное доказывание – это особая, с заранее определенным алгоритмом, разновидность социального познания. Такой вывод вытекает из того, что социально обусловленному субъекту – следователю, прокурору, суду, а также в соответствии с ч. 3 ст. 86 УПК РФ и защитнику – приходится устанавливать социально необходимые знания – обстоятельства совершенного преступления. Этот процесс проходит по общим законам человеческой познавательной деятельности, в том числе эмпирической, в известных ему формах: чувствительной и рациональной. На основе особой психологической связи объекта с субъектом познания в него всегда включены ощущение, восприятие, представление, память, теоретическое и практическое мышление¹⁰.

⁷ См.: *Строгович М.С.* Указ. соч. С. 295–296.

⁸ См.: *Домбровский Р.Г.* Познание и доказывание по уголовным делам // Актуальные проблемы теории юридических доказательств. Иркутск, 1984. С. 46–47. Разграничивают познание и доказывание как качественно различные операции А.А. Давлетов и В.С. Джатиев. Обоснованная критика этой концепции дана С.А. Шейфером (см.: *Шейфер С.А.* О понятии и цели доказывания в уголовном процессе // Гос. и право. 1996. № 9. С. 60–66; *Его же.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. Тольятти, 1997).

⁹ См.: *Рыжаков А.П.* Уголовно-процессуальное доказывание: понятия и средства. М., 1997. С. 21–22; Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 287–290; *Костенко Р.* Соотношение уголовно-процессуального познания и уголовно-процессуального доказывания // Уголовное право. 2004. № 3. С. 90–92.

¹⁰ См.: *Белкин А.Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 12.

Таким образом, **познание не тождественно уголовно-процессуальному доказыванию**, ибо не всякое познание есть доказывание, хотя любая форма доказывания всегда представляет собой особо организованное познание, включая удостоверительный момент. Так, сложно отрицать, что познавательная деятельность присутствует в практике при проведении оперативно-розыскных мероприятий, чувственном познании следователем различных запаховых и визуальных следов совершенного преступления по прибытии на место происшествия, например, горения, взрыва, трупного гниения и т.д. Однако это знания “для себя”, могущие стать лишь основой методико-криминалистического и процессуального планирования расследования. Их истинность не закреплена в установленном законом порядке, она не проверена, им не дана процессуальная надлежащая оценка, т.е. указанная информация не получила удостоверения¹¹. Еще И.Я. Фойницкий отмечал: “При разрешении вопросов как научных, так и судебных получаемый результат первоначально имеет значение лишь истины субъективной, несомненной только для дающего его. На этой ступени отыскание истины остановиться не может, и данный ответ стремится обьективироваться, получить общее признание”¹². Говоря словами М.С. Строговича, индивид познания не может удовлетвориться познанием для себя, если хочет быть уверен, что познана истина¹³.

В то же время нелогично противопоставлять внутри **процессуального доказывания в качестве якобы слагаемых познание “для себя” и удостоверительный момент**, ибо первое есть тезис – необходимое итоговое знание по уголовному делу. Доказательства же, получаемые из допустимых законом источников, есть сведения, оценка которых и дает нам удостоверительный момент. По содержанию каждое доказательство есть не что иное, как непосредственное (осмотр вещественных доказательств) или, как правило, опосредованное (свидетельские показания) познание.

Таким образом, познание – это общее понятие, включающее доказывание, которое в свою очередь состоит из определяемого предметом доказывания по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ)

тезиса и удостоверительного момента, формируемого совокупностью доказательств, полученных из предусмотренных законом источников в строго регламентированном порядке.

Поэтому следует согласиться с теми учеными, которые считают, что уголовно-процессуальное доказывание представляет собою особый ступенчатый вид социального познания¹⁴, с заранее определенным алгоритмом. Его сущность состоит в движении знания от источника через узнавание элементов состава преступления в установленных фактах и доказательств в информации, полученной в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке (обработку информации), к принятию решения по уголовному делу.

В связи с этим становится ясно, что **уголовно-процессуальное познание особенно и не может относиться к категории научного**, ибо “оно не раскрывает закономерностей развития явлений объективной действительности”¹⁵. Научное же познание всегда направлено на выяснение общих закономерностей или неизвестных явлений. Оно порою изучает само себя, иначе освобождаясь от первоначального субъективизма. Впрочем, иной точки зрения на соотношение научного и процессуального познания в юридической литературе придерживаются некоторые известные учёные¹⁶. Однако же, повторим, в уголовном процессе следователь, прокурор или суд всегда знают, что искать и в каких пределах познание должно осуществляться, причем внутреннее убеждение есть универсальный критерий доказанности того или иного факта.

Для утверждения этого различия, на наш взгляд, следует воспользоваться терминологией проф. О.Н. Лосского, предлагавшего применительно к философии познания использовать две науки – психологию знания и гносеологию. Первая обозначает субъективные процессы, связанные с познанием, “акты знания – деятельность внимания, различения, восприятия, припоминания и т.п., а также зависимость их от интеллектуальных процессов, именно от чувства и воли”¹⁷, вторая же – есть наука о свойствах истины.

Таким образом, познавательную деятельность в уголовном процессе, строго говоря, должна изучать психология знания, а не гносеология. Следовательно, поиск и анализ обстоятельств

¹¹ См.: Кузнецов Н.П. Доказывание и его особенности на стадиях уголовного процесса России. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. Воронеж, 1998. С. 9; Громов Н.А., Зайцева С.А., Гуцин А.Н. Доказательства, их виды и доказывание в уголовном процессе. М., 2005. С. 64.

¹² Фойницкий И.Я. Указ. соч. С. 6–7.

¹³ См.: Строгович М.С. Указ. соч. С. 295–296.

¹⁴ См.: Петрова О.В. Указ. соч. С. 11.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ См.: Строгович М.С. Указ. соч. С. 295; Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Казань, 1976. С. 20; Теория и ее объект / Под ред. Б.С. Грязнова. М., 1973. С. 168.

¹⁷ Цит. по: Спиркин А.Г. Указ. соч. С. 416.

конкретного уголовного дела социален, субъективен, а потому к нему не могут применяться принципы общеправового гносеологического научного познания. В первую очередь это касается пределов, целей, результатов и методов познания, которые не ограничены в науке, но строго регламентированы в уголовно-процессуальной деятельности.

Основной проблемой в уголовно-процессуальной теории в связи с этим стал **вопрос об истине и ее характере**. В течение многих лет она не имела ни теоретического, ни практического решения. Так, научный мир общей философии до сих пор разделен на сторонников гносеологического оптимизма и скептицизма. Одни считают, что мир познаваем и истина может быть всегда установлена, другие отрицают познаваемость действительности.

Современный уровень философии, основанный большей частью на материалистической системе познания, исходит из того, что истина – “это соответствие знания действительности, объективное содержание эмпирического опыта и теоретического познания”¹⁸. Однако не отрицается и то, что истина может быть и абсолютной, и относительной. В первом случае это “точное, всестороннее, исчерпывающее знание о каком-либо явлении”¹⁹, во втором же – “форма объективной истины, зависящая от конкретных исторических условий, характеризующих степень ее точности, строгости и полноты, которая достигнута на данном уровне познания”²⁰. Более того, “по форме истина субъективна, она – свойство человеческого знания. По содержанию истина объективна, так как не зависит от сознания, а обусловлена отображающимся в нем материальным миром”²¹.

Вместе с тем в философии весьма устойчиво суждение о том, что человек в ходе познания оперирует субъективными картинами объективного мира. “Восприятие сторонних предметов зависит от нашего усмотрения... тот факт, что нет ни одного положения, которое не оспаривали бы ... доказывает, что наш природный разум познает вещи недостаточно ясно...” – писал М. Монтень²². Свойством “наших суждений о вещах, а ни в коем случае не тем, что принадлежит самим объектам”,

называл истину Томас Гоббс²³. Такое же встречаем и у Г. Гегеля: “...истина в своем абстрактном выражении вообще означает согласие некоторого содержания с самим собой”²⁴. Похожее воззрение можно встретить и у одного из основоположников марксистской догмы Ф. Энгельса: “...человеческое мышление столь же суверенно, как несуверенно, и его способность познавать столь же не ограничена, как и ограничена. Суверенно и неограниченно по своей природе, призванию, возможности, исторической конечной цели; несуверенно и ограничено по отдельному осуществлению, по данной в то или иное время действительности”²⁵. Отсюда и идет разграничение в марксистской философии истины абсолютной и относительной.

Такая неопределенность в выработке единой концепции привела к тому, что все акценты относительно истины в уголовном процессе государств в зависимости от их социально-политической формации и правовой культуры расставляются исходя из нравственно-идеологической трактовки предназначения уголовного судопроизводства. Так, в советском уголовном процессе преобладала идея о том, что истина – это безусловная цель процесса²⁶, недостижение которой всегда есть ошибка следствия или суда²⁷. В уголовном процессе США господствует идея, что только суд имеет право определить, что есть истина, а что заблуждение исключительно на основе представленных материалов дела.

В процессуальной науке сегодня истину в уголовном судопроизводстве понимают как соответствие выводов о фактах самим этим фактам, действительности²⁸. Указанная дефиниция за редкими исключениями²⁹ является общепризнанной,

²³ История философии в кратком изложении. М., 1991. С. 382.

²⁴ Цит. по: Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины XVIII – начала XIX века. М., 1989. С. 204.

²⁵ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1969. С. 84.

²⁶ См.: Элькин П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 34.

²⁷ См.: Строгович М.С. Указ. соч. С. 329.

²⁸ См.: Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С. 19; Мотовиловкер Я.О. Установление истины в советском уголовном процессе. Ярославль, 1974. С. 6; Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995; Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькин П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978. С. 59; Рыжаков А.П. кав. соч. С. 13; Петрова О.В. Указ. соч. С. 47; Чернякова Н.С. Ценностная природа истины. Автореф. дисс. ... доктора филос. наук. М., 1995. С. 14.

²⁹ См.: Уголовный процесс / Под ред. В.П. Божьева. М., 2002. С. 152–155.

¹⁸ Большой энциклопедический словарь. С. 466.

¹⁹ Введение в философию. В 2-х ч. Ч. 2 / Под общ. ред. И.Т. Фролова. М., 1989. С. 355.

²⁰ Там же.

²¹ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М., 1991. С. 169, 314.

²² Монтень М. Опыты. В 3-х кн. Кн. 2. М., 1991. С. 357–358.

ибо человек априори считает истинным только то, что соответствует самой реальности. М.С. Строгович, например, писал, что “истина состоит в полном и точном соответствии действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах рассматриваемого уголовного дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц”³⁰.

По вопросу же о характере истины, получаемой в процессе уголовно-процессуального познания, в течение нескольких десятилетий в отечественной процессуальной науке сформировались следующие позиции:

а) проблема истины в уголовном процессе не существует, так как не требуется устанавливать ее по уголовному делу (М.А. Чельцов, С.А. Голунский);

б) неприменимость философских понятий абсолютной и относительной истины к истине, устанавливаемой по уголовному делу (М.А. Якуб, В.Д. Арсеньев и др.);

в) по одним обстоятельствам уголовного дела может быть достигнута абсолютная истина, а по другим – только относительная (А.П. Рыжаков);

г) по уголовному делу может быть достигнута только относительная истина (С. Танцевосян, Л.Т. Ульянова и пр.);

д) по уголовному делу должна достигаться только абсолютная истина (М.С. Строгович, И.Д. Перлов, Р.Д. Рахунов, А.А. Старченко, Ф.И. Георгиев, И.С. Кустов, И.Ф. Пашкевич);

е) достигаемая по делу истина одновременно абсолютна и относительна (А.И. Трусов, В.Я. Дорохов, В.С. Николаев, В.Н. Кудрявцев).

Как видно из приведенных точек зрения, проблема характера истины, получаемой в результате производства по уголовному делу, в большинстве случаев объединяется с вопросом о принципиальной возможности и необходимости установления истины, которые не всегда одинаково трактовались в теории доказательств.

По последнему вопросу существуют две основные точки зрения. Согласно одной из них **истина в судебном процессе может быть познана полностью**³¹. Авторы, придерживающиеся указанной точки зрения, обосновывают свой вывод, опираясь на положения теории познания диалектического материализма. Диалектический

материализм исходит из того, что мир и общественная жизнь познаваемы. Не является исключением и познание, осуществляемое в уголовном процессе. Основу процесса познания в уголовном судопроизводстве также составляет отражение. Неотражаемых явлений в природе не существует, а поэтому и событие преступления, как материальный процесс действительности, производит изменения в окружающей среде. Для того чтобы узнать о событии, мы должны выделить связанные с ним изменения, а связь изменений с событием существует объективно.

Тем не менее, как отмечают современные авторы, советской школой уголовного процесса при исследовании вопроса постижимости истины в судопроизводстве допускалась очевидная деформация философских представлений об истинности и ложности познания, осуществляемого компетентными органами. Как пишет Ю.В. Корневский, данный вопрос всегда решался “с позиций не только (а порой не столько) научных, сколько идеологических”³², что на практике привело не к воспитательному воздействию истины как цели доказывания на следователей и прокуроров, а к их ответственности за каждое нераскрытое преступление. В результате правоприменитель больше всего боялся не довести уголовное дело до суда, поэтому обрушивал всю репрессивную систему советского процесса на первого из заподозренных лиц, забывая проверить все версии, проявить внимание к тому, что усердие в установлении преступника любыми средствами не есть установление истины³³.

Авторы, придерживающиеся второй точки зрения, в той или иной мере **отрицают возможность полного познания истины в судебной деятельности**. Такие высказывания можно встретить в работах русских юристов дореволюционного периода³⁴. Тезис о невозможности полного позна-

³² Корневский Ю.В. Доказывание в уголовном процессе (Закон, теория, практика) // Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / Под ред. В.А. Власихина. М., 2000. С. 143.

³³ См.: Корневский Ю.В. Нужна ли суду истина // Росс. юстиция. 1994. № 5. С. 22; Ковтун Н.Н. И состязательность, и поиск истины // Росс. юстиция. 1997. № 7. С. 11–12; Балакишин В. Истина в уголовном процессе // Росс. юстиция. 1998. № 2. С. 18–19; Юнусов А.Ю., Ковтун Н.Н. Об устранении действительных и мнимых противоречий в методологии уголовно-процессуальных исследований // Вестник Нижегородского ун-та. 1998. № 2. С. 20; Колоколов Н.А. Установление материальной истины – основная цель доказывания в уголовном процессе // Росс. следователь. 2000. № 1. С. 11.

³⁴ См.: Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000.

³⁰ Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. С. 19.

³¹ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. В 2-х т. Т. I; Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Указ. соч. С. 34; Белкин А.Р. Указ. соч. С. 63–76 и др.

ния истины в судебной деятельности имел широкое хождение в 30–60-х годах XX в., согласно которому, достоверное знание о преступлении и преступнике в уголовном процессе не только не всегда достижимо, но и лишено необходимости. Для осуждения подсудимого достаточно установить “максимальную вероятность” вины. Такие высказывания встречаются в работах А.Я. Вышинского, А.И. Трусова³⁵.

Подобные взгляды можно обнаружить в работах ученых-процессуалистов последних лет, обращающих внимание на субъективизм судебного исследования доказательств³⁶. На них больше ориентирована и Концепция судебной реформы 1991 г.³⁷ Р.С. Белкин в качестве объективного фактора, исключающего возможность достижения истины, называет исчезновение доказательств³⁸.

Кроме названных выше идей, сравнительно недавно в процессуальной литературе появилась философски обоснованная критика неадекватного переноса материалистической концепции познания в уголовный процесс. До этого противники объективной истины как цели доказывания апеллировали к процессуальной практике, указывали на ее очевидные проблемы, приводя число и сущность допускаемых судебных ошибок, а также статистику нераскрытых и латентных преступлений. Кроме того, они настаивали на идее ограниченности процессуального познания юридическими формами, презумпциями, фикциями и соглашениями. Заслуга же нового течения состоит в следующем. За истиной, во-первых, признано субъективное отражение предмета познания³⁹. Во-вторых, более четко разграничены два уровня проблемы: истина как результат уголовно-процес-

суального доказывания и истина как его цель⁴⁰. На основании этих положений ученые разделили достоверность⁴¹, т.е. доказанное вне разумных сомнений знание, и истину, т.е. соответствие выводов суда объективной действительности⁴². В целом же, с их точки зрения, в уголовном судопроизводстве точное соответствие наших знаний действительности в каждый конкретный момент (по данному уголовному делу) невозможно. Жизнь динамична, ничто не остается неизменным, так как человек в таких условиях оперирует своим категориальным аппаратом, который далеко не совершенен, ибо как неисчерпаема действительность, так и бесконечна работа по уточнению содержания понятий. Поэтому истина, будучи термином для адекватного отражения результата и цели научного постижения всего мироздания, — слишком масштабная мерка для оценки результативности познавательного акта, совершаемого среднестатистическим правоприменителем в уголовном процессе⁴³.

На наш взгляд, мировоззрение российских ученых, как юристов-процессуалистов, так и философов, сегодня вынуждено мириться с объективно существующими проблемами практического познания. Отсюда и относительность истины, и ее субъективность ввиду зависимости от качеств познающего субъекта. При этом абстрактно абсолютная истина также имеет место, поскольку есть надежда на расширение способов и средств познания (научных, технических и т.д.). Но вместе с тем издавна воспитанное нравственное чувство требует отстаивать идеал материальной (объективной) истины, не замечая особенностей социального и процессуального процесса ее познания. Нам представляется, что проблему “форм” истины, которая в уголовно-процессуальной науке особенно ожесточилась, можно существенно упростить, если четко разграничивать понятия пределов познания, гносеологического результата и цели познания.

За основу необходимо взять общеправовой принцип историчности истины, разрабо-

³⁵ См.: *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. М., 1950. С. 201; *Трусов А.И.* Судебное доказывание в свете идеи кибернетики // Вопросы кибернетики и право. М., 1967. С. 63.

³⁶ См.: *Пашин С.А.* Проблемы доказательственного права // В кн.: Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии. М., 1995. С. 312; *Его же.* Чародей научных теорий // Росс. юстиция. 1994. № 8. С. 31; *Базров М.М.* Законность и справедливость // Сов. юстиция. 1993. № 5. С. 2; *Мельников С.* Дела судебные // Росс. юстиция. 1991. № 1. С. 2–4; *Александров А.* О значении концепции объективной истины // Росс. юстиция. 1999. № 1. С. 23; *Плюк А.* “Истина” или “доказанная достоверность” // Росс. юстиция. 1999. № 5. С. 43.

³⁷ См.: Концепция судебной реформы в Российской Федерации / Сост. С.А. Пашин. М., 1992.

³⁸ См.: *Белкин Р.С.* Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М., 1988. С. 234.

³⁹ См.: *Гриненко А.В.* Система принципов и цель производства по уголовному делу // Правоведение. 2000. № 6. С. 185.

⁴⁰ См.: *Барабаш А.С.* Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб., 2005. С. 112–113.

⁴¹ Имеется точка зрения, согласно которой достоверность тождественна истине (см.: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. В 2-х т. Т. I. С. 326; *Алиев Т.Т., Громов Н.А., Зейналова Л.М., Лукичев Н.А.* Состязательность и равноправие сторон в уголовном судопроизводстве. М., 2003. С. 57).

⁴² См.: *Жданова Я.В.* Категории вероятности и достоверности в уголовном судопроизводстве. Ижевск, 2004. С. 22–23.

⁴³ См.: *Барабаш А.С.* Указ. соч. С. 110, 117.

Результаты кассационного рассмотрения (Верховный Суд РФ)

Годы	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Обжаловано решений (в лицах)	10022	11081	10096	11198	11649	11063	10603	8953	7417	7774	7868
Оставлено без изменения (в лицах)*	7422	7791	7576	7963	8262	8113	9215	6463	6194	6464	6959
%	87.2	83.7	82.8	82.4	85.3	86.8	84.9	82.1	83.5	83.2	88.3
Отменено	590	708	619	660	700	561	495	461	455	492	384
%	6.9	7.6	6.8	6.8	6	5	5.4	5.9	6.1	6.3	4.9
Изменено	497	804	950	1040	1013	907	893	948	768	818	525
%	5.8	8.7	10.4	10.8	8.7	8.2	9.7	12	10.4	10.5	6.8

Результаты кассационного рассмотрения (суды субъектов РФ)

Годы	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Обжаловано решений (дел)	179728	191200	197300	189700	207800	303800	264500	290328	266696
Оставлено без изменения	173977	183743	190789	182871	199904	295597	284408	275811	253361
%	96.8	96.1	96.7	96.4	96.2	97.3	93	95	95
Отменено	5751	7456	3748	3794	3948	4449	16640 лиц	18085 лиц	15589 лиц
%	3.2%	3.9%	1.9	2.0	1.9	1.5			
Изменено			2763	3035	3948	3779	13803 лиц	15695 лиц	17162 лиц
%			1.4	1.6	1.9	1.2			

Результаты кассационного рассмотрения (Курский областной суд)

Годы	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Обжаловано решений (дел)	1098	1102	1040	1015	948	1067	1089	1107	1098
Оставлено без изменения	989	992	925	917	820	944	975	1008	961
%	90	90	88.9	90.5	86.5	88.4	89.5	91	87.5
Отменено	32	38	33	36	35	32	37	23	47
%	3	3.5	3.2	3.4	3.7	3.1	3.4	2.1	4.3
Изменено	77	72	82	62	93	91	77	76	90
%	7	6.5	7.9	6.1	9.8	8.5	7.1	6.9	8.2

Примечание. * Графа без учета лиц, обжаловавших приговоры судов присяжных или иные судебные решения.

танный конкретной социальной практикой. Под ним следует понимать обусловленность ее содержания, а главное – возможностей ее познания, историческим этапом развития человеческого общества⁴⁴. Таким образом, характер истины зависит от конкретной эпохи. Это связано с тем,

что в условиях относительно устойчивого уровня возможностей человеческого разума объекты действительности познаются примерно по одной методологии и, что самое важное, с одинаковым представлением об истинности или ложности суждений. Здесь речь идет, безусловно, о коллективных познающих качествах общества, а не об индивидуальных личностных.

⁴⁴ См.: *Спиркин А.Г.* Указ. соч. С. 465; Введение в философию. В 2-х ч. Ч. 2 / Под общ. ред. И.Т. Фролова. С. 351–354.

Так, Дени Дидро однажды точно подметил: “То, что для нас является парадоксом, будет для потомства очевидной истиной”⁴⁵.

Слабость человеческого познания во многом предопределяла и исторические формы доказывания: теория формальных доказательств существовала в том числе и потому, что суд еще не мог всецело оценивать доказательственную информацию. Поэтому формально устанавливалась шкала приоритетов, исходя из фактически большей схожести на истинность тех или иных типов получаемых в уголовном процессе сведений на основании их формы. Так, показания свидетеля-аристократа оценивались более достоверными, чем показания крестьянина ввиду очевидных социальных, образовательных и культурных преимуществ. Тем не менее приговор суда все равно признавался общественным мнением, содержащим истину. По той же причине правоприменитель не получал от общества сверхзадач. Кроме того, вместо принципа законности уголовного преследования (при обнаружении признаков преступления всегда должно возбуждаться уголовное дело), действующего ныне в соответствии со ст. 21 УПК РФ, применялся принцип целесообразности уголовного преследования, до сих пор не ушедший в прошлое в США и странах Западной Европы⁴⁶.

Такова была практика, “объективировавшая” установленное в ходе уголовно-процессуальной деятельности знание, однако с позиции современных методов, применяемых в познании обстоятельств совершенного преступления, ни о какой объективности речи и быть не может. Сегодня уголовно-процессуальное познание вооружено тщательно проработанной в философии методологией, научными методиками работы со следами, разрабатываемыми криминалистикой, техническими средствами получения знания о прошлом.

Но в то же время необходимость привлечения специальных, в основном естественно-научных, знаний в уголовный процесс влечет некоторую расщепленность субъекта познания, делает его процесс более опосредованным. Кроме того, резко

возросла материальная оснащенность преступников и усложнилась техническая сторона механизма совершения преступления и ликвидации его следов, увеличилось число преступлений, возросла нагрузка на следователей, прокуроров и судей, осуществляющих производство по делу. Наконец, усложнились и общественные отношения в сфере доказывания, например, возросли риски и материальные стимулы лиц, содействующих отправлению правосудия. Таким образом, и в наше время процесс объективации знания, полученного в уголовном процессе (в условиях сложных объективных и субъективных препятствий к его установлению) свидетельствует о неизменности такого свойства истины в социальном познании и уголовно-процессуальном доказывании, – его историчности при социально-правовой ограниченности средств ее познания.

Сторонники объективной истины апеллируют к судебной практике, по их мнению, стоящей на позициях принципиальной ее достижимости при отправлении правосудия по уголовным делам⁴⁷. Однако обратимся к приведенным ниже данным судебной статистики, характеризующим кассационную практику Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, судов субъектов РФ и Курского областного суда. Примечателен факт, что в последние годы показатели качества приговоров (отношение числа решений, оставленных без изменения в кассации, к общему числу обжалованных решений) находятся примерно на одном, весьма высоком, уровне: 84.4% в судах субъектов РФ, 96.3% в районных судах РФ, 88.5% в районных судах Курской области⁴⁸.

⁴⁷ См.: Петрова О.В. Указ. соч. С. 83.

⁴⁸ См.: Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2000 г. М., 2001; Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2001, 2002, 2003, годы // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 7. С. 21–29; 2002. № 9. С. 14–24; 2003. № 8. С. 14–23; 2005. № 8. С. 23–32; Обзор статистических данных о рассмотрении уголовных, гражданских и административных дел в Верховном Суде Российской Федерации за 2005 г. // http://www.supcourt.ru/news_detale.php?id=2960; Работа судов в Российской Федерации в 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004 годах // Росс. юстиция. 2000. № 7. С. 55–60; № 8. С. 55–57; 2001. № 11. С. 76–78; 2002. № 8. С. 65–70; 2003. № 8. С. 69–78; 2004. № 4. С. 68–78; 2005. № 6; Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2005 году // http://www.cdep.ru/material.asp?material_id=107; Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 12 месяцев 2006 г. // www.cdep.ru/uploaded-files/statistics/анализ_статистики_12_мес_2006_г._xml; Сведения о работе судов общей юрисдикции за 12 месяцев 2007 года // www.cdep.ru/uploaded-files/statistics/12_мес_2007_г._xls; Статистическая справка о работе судов общей юрисдикции за 2005 год //

⁴⁵ Цит. по: Зорин Г.А. Использование криминалистических игр, инверсий, эффектов и тактических ловушек при расследовании, обвинении и защите по уголовным делам. М., 2002. С. 109.

⁴⁶ См.: Головкин Л.В. Принципы неотвратимости ответственности и публичности в современном российском уголовном праве и процессе // Гос. и право. 1999. № 3. С. 61. Более подробно об этом: Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002.

Такие высокие показатели, на наш взгляд, свидетельствуют именно о юридическом характере истины, устанавливаемой судами первой инстанции в условиях урегулированной правом познавательной деятельности. Данный вывод следует из следующих обстоятельств. Во-первых, изменения процессуальной формы, произошедшие в 2002 г. (частичный отказ от ревизии в кассации, отказ от отмены или изменения приговоров ввиду их неполноты, односторонности и необъективности), не повлекли серьезных статистических отклонений, чего не могло не случиться, если бы судебные решения содержали объективную истину. Во-вторых, судебная статистика не связана ни с числом латентных и нераскрытых преступлений, ни с числом отработанных оперативными службами на причастность к совершению преступления лиц. Только учет этих данных мог бы дать полную картину – достигается ли объективная истина в уголовном процессе. В-третьих, можно заметить, что официальная статистика грешит смешением двух количественных показателей – общая нагрузка оценивается по количеству дел, а число отмен и изменений – по числу лиц, что существенно затрудняет анализ.

Во многом именно по этой причине, согласно данным социологических опросов населения, российскому правосудию не доверяют 38.1% респондентов, а сомневаются в его лояльности 26%⁴⁹. Кроме того, представители судебной власти сегодня прямо заявляют, что “в новом уголовно-процессуальном законе... истиной (юридической) признается то, что установлено судом при условии соблюдения процессуальных процедур”⁵⁰.

Иными словами, в уголовном процессе достигается истина не просто как субъективное отражение исследуемого объекта (обстоятельства совершенного преступления), а как объективированное социальной практикой знание в условиях

максимально возможного применения средств познания, признаваемых социумом достаточными для выполнения этой задачи. Следовательно, примененный нами историко-социологический подход позволяет сделать следующий вывод. В отличие от объективной истины, получаемой позитивной и естественной наукой на основе методов диалектического материализма, **истина, получаемая в динамичной практической деятельности по конкретному уголовному делу**, по своей гносеологической природе, будучи актом социального познания, **может быть признана только юридической**, т.е. содержащей выводы, соответствующие исследованным судом доказательствам. Результат же судопроизводства следует именовать истиной, ибо познание проводилось согласно общепринятым на данный момент времени социумом методологии и критериям истинности знания. Юридическая истина, устанавливаемая в ограничительных условиях уголовно-процессуальной формы (ограниченность сроков, наличие презумпций, недопустимость экспериментальных познавательных методов (гипноза, полиграфа) и т.д.), объективируется искусственно посредством существующих в обществе представлений о познавательных возможностях человека и через доверие, оказываемое системе отправления правосудия в целом.

Указанный подход также позволяет объяснить такие явления, как, во-первых, неустановление истины в конкретных случаях. Преступник либо может предпринять меры к уничтожению следов преступления, либо создать объективные причины их отсутствия⁵¹, т.е. методология процессуального познания, включая криминалистическую технику⁵², недостаточна для достижения истины. Поэтому совершение идеального преступления – это, увы, реальность.

Во-вторых, имеется отличие юридической истины, получаемой в уголовном процессе, от знания, имеющегося в распоряжении органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, которое может быть значительно ближе к истине объективной. Но при этом его не всегда удается перевести в разряд уголовно-процессуальных данных в силу того, что юридические нормы уголовного процесса, подчеркивая социальную сущность данного института, не допускают возможности достижения истины любыми средствами. Такой подход обоснован демократическими и гуманитарными ценностями, проникающими в наше сознание, в соответствии с которыми уста-

http://www.cdep.ru/material.asp?material_id=90 Справка о деятельности Курского областного суда за 1999, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004 годы // Архив Курского областного суда. Курск, 2000, 2001, 2002, 2003, 2004, 2005; Обзор сведений о результатах работы судов Курской области за 2006, 2007 гг. // <http://femidakursk.ru/content/view>.

⁴⁹ См.: Аналитический отчет по теме “Отношение россиян к судам и судебной системе” по результатам социологического опроса ВЦИОМ // Судья. 2005. № 1. С. 56.

⁵⁰ Давыдов В.А. О некоторых проблемах, возникающих в стадии надзорного производства в связи с признанием статьи 405 УПК РФ не соответствующей Конституции РФ // Официальный сайт Верховного Суда РФ // http://www.suprcourt.ru/print_page.php?id=2803; Его же. Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам: производство в надзорной инстанции. М., 2006. С. 111.

⁵¹ См.: Петрова О.В. Указ. соч. С. 81.

⁵² См.: Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Указ. соч. С. 35.

навливается приоритет личности перед уголовно-правовой репрессией.

В связи с этим в последние 20 лет в процессуальной науке стала обосновываться точка зрения о типологическом характере различия истины. Материальная истина есть цель уголовного процесса розыскного типа. Истина же юридическая (процессуальная) как цель присуща демократической состязательной форме, реализующей в системе отправления правосудия идеи о сдержках и противовесах между исполнительной обвинительной властью и властью судебной, разрешающей конфликт между личностью и государством. В дореволюционной литературе указанной позиции придерживался, например, Н.Н. Розин⁵³. Однако данный вопрос относится к содержанию не гносеологической функции уголовного процесса, а к проблеме выработки целей и задач процессуальной деятельности.

Важно заметить, что в среде сторонников признания за истиной, достигаемой в уголовном процессе, объективного характера сегодня практически отсутствует стройная теоретическая аргументация: авторы либо по-прежнему исходят из универсальности материалистической теории познания, либо отстаивают саму нравственную ценность объективной истины⁵⁴.

⁵³ См.: Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. Пг., 1916 // Хрестоматия по уголовному процессу России / Автор-сост. Э.Ф. Куцова. М., 1999. С. 90–91; Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999. С. 119; Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб., 2002. С. 95; Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (Уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 36–42.

⁵⁴ См.: Мурадян Э.М. Указ. соч. С. 91–92; Судебная власть / Под ред. И.Л. Петрухина. М., 2003. С. 275–280; Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России. Лекции-очерки. М., 1997. С. 85; Еникеев З.Д. Проблемы истины и справедливости в уголовном судопроизводстве // Научные труды РАЮН. Вып. 4. В 3-х т. Т. 3. М., 2004. С. 109–113; Карабанова Т.Н. И еще раз об

Таким образом, гносеологическую природу уголовного процесса составляет особая разновидность социального познания по заранее заданному социальным назначением данного института и уголовно-правовой моделью состава преступления алгоритму. Уголовно-процессуальное доказывание не может быть ни противопоставлено познанию, ни отождествлено с ним. Это отличает его от непроцессуального познания, осуществляемого непрофессиональными участниками уголовного судопроизводства и оперативными работниками. Впрочем, оно не тождественно и научному познанию, нацеленному на выявление и бесконечное уточнение объективных закономерностей мироздания путем применения абсолютно любых эффективных средств.

В уголовном процессе правоприменителем устанавливается *юридическая истина*. Под ней следует понимать соответствие суждения субъекта познания об объекте собранным по уголовному делу доказательствам. При этом им должны быть использованы все доступные на определенном этапе развития человеческого разума методы познания при сложившемся критерии истинности результата. Таковым является сформировавшееся под воздействием правоприменительной практики внутреннее убеждение следователя, прокурора, суда. Именно такой подход, называемый принципом историчности истины, предопределяет жесткую нормативно-правовую систему регламентации средств уголовно-процессуального доказывания для обеспечения в условиях демократического состязательного процесса приоритета прав личности.

истине в уголовном процессе России // Там же. С. 129–132; Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. И снова об истине как цели уголовно-процессуального доказывания // Уголовно-правовые и процессуальные проблемы отправления правосудия в современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Т.К. Рябина. М. – Курск, 2005. С. 160–166.